

Поэт, социолог, филолог, культуролог. Родился 2 апреля 1986 года в Челябинске. Автор сборника стихов «По ту сторону проспекта» (Интернет-издательство «Ридеро»). Источником вдохновения служит музыка и окружающий мир во всём его многообразии. Основатель и автор песен панк-групп «Бронеубойная машина панка», «Цинизм». Наиболее близкой с эстетической точки зрения является поэзия Сергея Есенина и Владимира Маяковского, Бориса Рыжего, Эмиля Верхарна, Александра Башлачёва и Владимира Высоцкого, а также творчество Сергея Довлатова и Венедикта Ерофеева. В творчестве переплетаются бытовые темы с темами всепоглощающей любви, серость урбанистического мира с красками живой природы, юношеский максимализм с надрывностью взрослого влюблённого мужчины.

рабыня Изаура ещё не состарилась
ещё не стреляла Бригада
висело летнее марево
над горсадом
что опять молодился
усиленно пудрился
пахло из кафе корицей
на всю улицу
улица упиралась коленями
в троллейбусный парк

они шли в направлении
универмага
она трещала без умолку
тёрлась об гладкую щёку,
у него штаны по-фанатски подвёрнутые
у неё длинная чёлка

ловили взгляды прохожих
читали рекламные объявления,
доходили до дрожи
от прикосновений

он нарвал цветов с клумбы —
бежали на красный,
танцевал на горизонте румбу
трамвай — блестящий карась

во дворе пятиэтажки
курили заводские трубы,
они шли
а дальше
на углу
он впервые целовал её губы

на последнем трамвае
под луной цвета олова
не сказав заранее
не придумав повода
ночью просто прийти
рвётся нервов клубок,
снег следы замети
моих ног.

псы тогда не учуют
луна явку не выдаст,
утром с цыганами укучем
к морю на пристань,
у тебя на полке пузатый божок
нескончаемый виски,
кожу поцелуями жёт
все влюблённые — мазохисты,
кровоточили раны
на открытой ладони,
любовь — это двоим не дожить до парадной
это стёртые цифры на телефоне
это, когда ты наружу
словно перед иконой
это сеть перегружена
это грохот вагонов
это тёплое место
это землю трясёт
когда атеисты ищут запрятанный крестик

дуракам в карты везёт
и наверно в любви...

мы стоим над проспектом
на пристани
мы с тобой фонари

из горла не успею допить —
в арке уже кители
а меня привязала под окнами нить
оплела рубашка смирительная

куда бежать
закричу — а кругом волки
от фонарей в темноту
через забора проволоку
или по лестнице
пока по домофону звонят
откроешь сонная, взбесишься
а в глазке патрульный наряд

а знаешь, как Константинополь мучительно падал
дрожа под стрелами янычар
и рухнули стены Царьграда
когда в храме Софии погасла свеча

третий Рим упал в 91-ом —
последний оплот христианства

мы сидим с торшером
за окном сирены
и месяц исламский

за окном ветра Византии
рисуют на снегу перекрёстки
фары язычников злые
на небе иудейские и буддийские звёзды

беги, Венечка, беги
 кругом зима, враги,
 если не шило, то машина
 не заколют, так застрелят
 загонят в подъезд зверя
 накинут на шею подтяжки
 беги до дома
 в ванной под струями
 смыть день уличный, тяжкий
 утопить сахар в чая чашке

хлебни из фляжки амброзии
 и беги по морозу
 по переходу
 в Петушки свободу
 после «зубровки» или хереса
 ноги ноют —
 тяпни настой вереска,

Венечка
 цыганка пристанет
 позолотит руку копеечкой —
 держи портфель крепче
 опасайся многоэтажных свечек
 береги смолоду честь
 а с осознания печень

Венечка
 сам знаешь
 жизнь — кросс
 пересекай Крымский мост

а лучше...
 бей, Венечка, бей
 за пару рублей
 за редких друзей
 за рваные строки
 о, боги
 знают как ты устал...
 мимо милицейского поста
 те не убьют, так покалечат
 Венечка, беги
 из зимнего утра в майский вечер

не жалея рублей
пожалей о морях
на которых ты ещё не был
не жалея о посуде
коврах
о сломанной мебели
пожалей июль
в котором ты под дождём не мок,

когда сломается последний из Икеа
стул
и подведут итог
тонкие губы спросят
где на фото ты
там только шкаф, потолок
за окном серая осень
и искусственные
на могилу цветы

корабли выходят из порта
с запасом пресной воды
в тумане спит город
скрипят болты

город всегда спит
корабли провожает пристань
в каюте часы отстукивают ритм
шагов Ее
будто бы близких

корабль должен идти, город спать
таков обычный порядок
моряк будет Ее представлять
улыбающейся
нарядной

а в море плотный туман
в нём родных силуэты
Она резко проснётся
и подушка измята

Её моряк подскользнувшись
чуть не упал за борт
там
где-то

смотри
как бегут облака
босиком от призыва,
в руку втекает рука
на балконе
с видом на Киев,
среди жжёной резины
сорняков-баррикад
солнце в зрачках магазинов
на перекат,
громыкает весна
в товарном
простуженном
любая верста вся в крестах
в запойных
нескончаемых лужах,
с деревянным оружием
дети с ногами промокшими
мчатся на ужин
в блохах от кошек,
песни транжирят
гитаристы патлатые

мы невероятно живые
на простынях
между Калинина и Марата
между окон вечерних
в дорожном заливе
среди постмодерна
уоставшего Киева